

АВТОР БЕСТСЕЛЛЕРОВ THE NEW YORK TIMES

Кэтрин Ласки

БАТЕРЯННЫЕ ВО ВРЕМЕНА
ОГНЕННАЯ КОРОЛЕВА

Затерянные во времени

Кэтрин Ласки

**Затерянные во времени.
Огненная королева**

«Издательство АСТ»

2019

УДК 821.111-3 (73)
ББК 84(7Сое) 44

Ласки К.

Затерянные во времени. Огненная королева / К. Ласки —
«Издательство АСТ», 2019 — (Затерянные во времени)

ISBN 978-5-17-122145-4

После переезда к бабушке Роуз находит портал: теперь она может путешествовать во времени из современного мира в королевство двух самых запоминающихся английских принцесс в истории. Так она обнаруживает, что ее отец – придворный шпион из XVI века, которому будет безопаснее сбежать вместе с Роуз в ее родную Индиану. Но когда принцесса Мария Тюдор готовится к восхождению на престол, требуются решительные меры. Роуз должна спасти отца и освободить народ от правления жестокой королевы – пусть даже придется рискнуть всем, что у нее есть...

УДК 821.111-3 (73)

ББК 84(7Сое) 44

ISBN 978-5-17-122145-4

© Ласки К., 2019

© Издательство АСТ, 2019

Содержание

Разрыв	7
Глава 1. Скрестив пальцы	7
Глава 2. Рыбные палочки и другие бесчинства за обеденным столом	10
Глава 3. Знай врага своего	14
Глава 4. Скрип на лестнице	17
Глава 5. Другая Роуз	21
Глава 6. Заносчивая!	25
Глава 7. Вечно молодая	28
Глава 8. Сильный ветер	31
Глава 9. Рожденные притеснять	34
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Кэтрин Ласки

Затерянные во времени.

Огненная королева

Kathryn Lasky

TANGLED IN TIME: THE BURNING QUEEN

Copyright © by Kathryn Lasky, 2019

Interior art © 2018 by Fran Forman

Jacket art © 2019 by Apolar Arch

Jacket design by Amy Ryan

© Л. Бородина, перевод на русский язык

© ООО «Издательство АСТ», 2020

* * *

Луэлле Грэйс Найт, восторженной читательнице

«ИНДИАНАПОЛИС ТРИБЬЮН»

Галстуки-бабочки не только для мальчиков?

Автор статьи – Бетси Лэнгфорд

Модный блогер, ученица средней школы Линкольна Роуз Эшли с группой друзей задали новый тренд на галстуки-бабочки.

«Галстуки-бабочки не привязаны к определенному полу, – говорит Роуз. – Они прекрасно дополняют наряд и помогают выразить индивидуальность». До переезда в Индианаполис, когда Роуз училась в пятом классе в Филадельфии, она создала клуб «Галстук-бабочка месяца». «Сделать бабочку очень легко. Я просто выложила инструкции в своем блоге, выбрала доступную ткань, и дети стали шить себе такие же». Теперь, однако, Роуз и ее команда «Рождественские эльфы», как она их называет, шьют и продают галстуки-бабочки. Вся выручка идет в Рождественский фонд для нуждающихся детей. Они уже собрали почти тысячу долларов. В команду входят ученики средней школы Линкольна: Сьюзан Голд, Сибби Хуанг, Ананд Прит, Майлз Рэндольф, Кевин Элсворт, Джо Мэллори и Саид Нассим.

«Мы используем разные виды тканей и стили», – объясняет Сьюзан Голд.

«Стилей много, – добавляет Роуз. – Лично я предпочитаю стиль Джеймса Бонда. Никто не носил бабочку лучше, чем Шон Коннери в “Голдфингере”¹». «А как же “Скайфолл” с Дэниелом Крейгом?» – спросил ваш покорный репортер. «Хороший, но у Крейга не хватает таланта носить бабочку с достоинством. Прости, Дэниел».

У Сьюзан Голд ярко-зеленая бабочка, которая внезапно мигает красным. «Это светодиод. Я сама его пришила. – Она хихикает. – Вряд ли Роуз это одобрит. Она своего рода традиционалист».

¹ «Голдфингер» – фильм 1964 года, третий из цикла о супергероине Джеймсе Бонде. – (Прим. ред.).

«Не совсем, – протестует Роуз. – Галстуки-бабочки эволюционируют, как и все остальное».

Оказывается, Роуз Эшли немного знакома с историей моды. «Знаете, первые галстуки-бабочки датируются семнадцатым веком – времена Тридцатилетней войны в Европе. Хорватские наемники повязывали шарфы на шею, чтобы держать ворот рубашки».

Что ж, мы бросаем чепчики и галстуки-бабочки в воздух в честь этих учеников из Индианаполиса, их энергии и щедрости, которые помогают скрасить Рождество многим нуждающимся детям.

Разрыв

Глава 1. Скрестив пальцы

«Никогда... никогда... никогда!» – твердила Роуз про себя. Скрещенные пальцы по-прежнему оставались в карманах, но сами карманы стали другими: неглубокие, плотные, джинсовые. Пол под коленями стал твердым: не дерево, а камень или цемент. И запах... свежий. И все-таки она по-прежнему жмурилась. Роуз боялась открыть глаза. Последнее, что она помнила, – это слабый запах. Да, у королевы Марии, которая теперь хотела ее поработить, была проблемка с запахом тела. Почему в шестнадцатом веке не придумали настоящий дезодорант вместо дурацких мешочков из ткани с сухими лепестками цветов?

Но аромат, который сейчас кружился над Роуз, исходил не от сухих цветов, а от свежих, недавно распустившихся. Сладкий, соблазнительный, удушающий аромат. Роуз медленно открыла глаза, посмотрела вверх. Пятнадцатифутовая виноградная лоза с прекрасными розовыми цветами пропадала в темноте. Лоза напоминала фейерверк, который беззвучно рассеивался в ночном небе. Но это был не он. Это были гибискусы, которые спускались с центрального купола оранжереи. Она вернулась! Вернулась в оранжерею бабушки Розалинды. Вернулась в Индианаполис, штат Индиана. Вернулась в то время, которое она теперь называет родным веком.

Но в безопасности ли она? Роуз снова скрестила пальцы, огляделась. Слова противной королевы, Марии Тюдор, до сих пор звенели в ушах. *Роуз Эшли, мы слышали, что ты искусно подбираешь гардероб, умеешь обращаться с иглой и выполнять тонкую, деликатную работу. С этого момента ты будешь служить у нас гардеробной дамой. Будешь служить мне, королеве сего королевства, и поклянешься в верности превыше всех остальных, кроме Бога. Дашь ли ты клятву? Встань на колени и поклянись.* Тогда Роуз впервые скрестила пальцы и солгала новой королеве.

До этого Роуз служила принцессе Елизавете, которая, будучи очень требовательной и властной, не вызывала столько отвращения, сколько королева Мария. Тем не менее, когда умер их сводный брат, король Эдуард, которому едва исполнилось пятнадцать, на трон, к всеобщему ужасу, взошла Мария.

Эта новость не сулила ничего хорошего не только для Роуз, которой пришлось служить этой гнусности под названием «королева», но и для принцессы Елизаветы. Мария любила брать вещи, принадлежавшие Елизавете. Она безумно завидовала сводной сестре: например, ее юности, потому что королева Мария была на семнадцать лет старше. А еще она завидовала красоте и уму. Елизавета была самым умным ребенком, которого Роуз когда-либо встречала. Ей прекрасно давались французский, итальянский, латынь – да, она умела разговаривать на латыни! Если бы она жила в XXI веке и училась в школе Роуз, ее взяли бы участвовать в школьной олимпиаде штата.

Елизавета начала заниматься тригонометрией, когда ей было всего одиннадцать. Роуз в своем времени не занималась ею до средней школы. Когда она однажды спросила Елизавету, знает ли та, что такое математический анализ, принцесса посмотрела на нее пустым взглядом. А когда сама Елизавета попросила Роуз объяснить, что это, пустой стала уже голова Роуз. Она едва не выпалила: «Откуда мне знать? Он только в старших классах», но вовремя остановилась. Как только Роуз вернулась в свой родной век, то загуглила математический анализ и обнаружила, что его придумали лишь в семнадцатом веке! Причем не кто иной, как Исаак Ньютон.

Что ж, как ни погляди, королева Мария определенно была плохой новостью. На самом деле, возникла типичная ситуация с одной плохой и одной хорошей новостями. Хорошая

состояла в том, что Роуз вернулась. Плохая – что ее отец, Николас Оливер, не вернулся с ней, как и лучшая подруга Фрэнни, из шестнадцатого века. Пока она обо всем этом размышляла, почувствовала, как что-то потерлось о ее ногу. Хорошая новость! Сентябрина! Девочка охнула, потянулась за ярко-рыжей кошкой и, подняв, прижала ее к груди. Кошка повернулась и боднула Роуз. У кошек это высшее проявление любви. Порой Сентябрина не возвращалась с Роуз в родной век, а задерживалась в шестнадцатом. Охотиться на мышей в ту пору было проще из-за скверных домашних устоев. Во всех дворцах были конюшни, полные мышей и других менее очаровательных грызунов.

Поднявшись наверх, в свою спальню, Роуз внезапно почувствовала вибрацию мобильного телефона в другом кармане джинсов. Она вытащила его и посмотрела на экран. Было 20:45, и, конечно же, звонила Сьюзан. Сьюзан Голд – лучшая подруга Роуз в родном веке.

– Привет, Роуз, как дела? – радостно спросила Сьюзан.

Роуз всегда немного выпадала из настоящего, когда возвращалась в свое время.

– Э... – Она не смогла ответить сразу.

– Чем занимаешься?

– Э... делаю домашку по французскому.

Не такая уж и ложь. Она делала ее до того, как ушла. Но факт в том, что ее друзья ничего не знали. Это... как это вообще назвать? У Роуз был странный навык, некая *способность*: она умела путешествовать во времени. Навык или судьба? Роуз часто себя об этом спрашивала.

– Я думала, ты шьешь, у нас ведь столько новых заказов галстуков-бабочек, не говоря уже о костюмах для «Снежного шоу».

Роуз посмотрела на костюмы, сваленные на кровати в углу спальни. Они дожидались последних штрихов: блесок и пайеток. Фигуристы любят стразы, перья и все такое. Костюмы должны изумлять и одновременно подчеркивать движения фигуристок. Прыжок смотрится красивее, когда к подолу юбки пришиты сверкающие блески. Искусственные перья, прикрепленные к рукавам, намекают на полет. Швы часто подчеркиваются стразами. За украшение костюмов Клуб фигурного катания Индианаполиса дал ей и двум ее друзьям (Джо и Сьюзан) билеты на шоу «Дисней на льду». Они даже попали за кулисы и смогли посмотреть на костюмы. Гардеробная дама отдала Роуз несколько старых, чтобы она смогла их изучить. По-видимому, во время шоу-сезона один и тот же костюм использовали всего пару недель.

– Костюмы почти готовы, – сказала Роуз. – Просто нужно пришить бахрому и все прочее. Потом займусь последним заказом на галстуки-бабочки.

Она зевнула.

– У тебя усталый голос, Роуз.

– Хм-м-м... – Роуз собиралась сказать, что Сьюзан тоже устала бы, если бы отправилась на пять веков назад и смотрела бы, как принц умирает, абсолютная крыса получает корону, а после этого тебя еще заставляют встать на колени и поклясться служить этой самой крысочкоролеве. Не говоря уже о папе! «*Я скучаю по отцу*», – подумала девочка. По лицу потекли слезы. Нельзя плакать, пока она говорит по телефону со Сьюзан. Вряд ли получится ей это объяснить.

– Слушай, мне пора. Французский такой сложный. Не могу понять разницы между *passé composé*² и *passé antérieur*³, – вздохнула Роуз.

– А, первое – это для устных фраз типа «Мы ходили в Лувр». *Nous sommes allées au Louvre*. Другое – *pous eûmes au Louvre*, и это только для литературного использования, знаешь, как в книгах. Первое – как в обычном времени. А второе – как в литературном часовом поясе.

² Прошедшее законченное время во фр. языке.

³ Непосредственное предпрошедшее время во фр. языке.

– А-а-а, – протянула Роуз. В этом, конечно, и была ее проблема. Она словно скользила между временами, эпохами и часовыми поясами. Для Роуз не существовало «обычного времени».

– Поняла? – спросила Сюзан.

– Вроде того, – ответила Роуз.

– Прошло уже две недели с тех пор, как Злые Королевы вернулись. Похоже, это навсегда, как считаешь? – спросила Сюзан.

У Роуз перехватило дыхание. Сюзан говорила не о Марии Тюдор, королеве Англии. Она говорила о Кэрри, Брианне и Лизе, также известных как Трио Апокалипсиса. Звери в здании. Все три были отстранены от занятий на два дня после того, как разыграли ужасный трюк с Джо, парнем Сюзан. Суть в том, что они испортили ему коньки, он упал и сломал лодыжку. Это значило, что он не будет участвовать в Ледовом балу. Но Брианна не просто на два дня исчезла из школы, ее навсегда исключили из Клуба фигурного катания Индианаполиса. Так ей и надо. Иногда Роуз казалось, будто она застряла не только между двумя столетиями, но и между двумя версиями Злых Королев.

Конечно, принцесса Елизавета не королева, но тоже бывала злой. Не настолько, как Мария, но все же. Как в тот раз, когда она забрала у Роуз медальон в форме розы, который сделал ей отец, где была их фотография с матерью... И отца, Николаса Оливера, золотых дел мастера королевского двора! Было совершенно неправильно, что Елизавета отняла этот медальон под тем неубедительным предлогом, что лишь королевским особам разрешено носить розу Тюдоров. Роуз снова скрестила пальцы и коротко помолилась: *«Пожалуйста, не дай принцессе Елизавете разгадать секрет и открыть этот медальон!»*

Глава 2. Рыбные палочки и другие бесчинства за обеденным столом

– Удачного утра, ученики!

Это был голос мисс Фуэнтес, директора средней школы Линкольна.

– В это время года нужно быть не только веселым, но и благодарным. И мы благодарны команде, которая шьет галстуки-бабочки: Сюзан Голд, Роуз Эшли, Джо Мэллори, Ананду Приту, Сибби Хуанг, Кевину Эллсворту, Саиду Нассиму и Майлзу Рэндольфу за их выдающиеся усилия в сборе средств для самых нуждающихся детей Индианаполиса. Всех их наградили дипломами за участие в общественных работах от «Индианаполис Трибьюн». Их выдадут сегодня на утреннем собрании.

– Майлз, – прорезал воздух зловещий голос Кэрри, – у тебя едва двигаются руки. Как ты шьешь? Ты же только и умеешь, что нажимать одним пальцем на кнопку инвалидной коляски.

Роуз повернулась за партой:

– Майлз – наш финансовый директор, Кэрри. Он ведет все расчеты и бухгалтерию проекта.

– Я попрошу! Никаких разговоров, юные леди, – приказал мистер Росс, классный руководитель и преподаватель словесности.

Роуз почувствовала, как кожу покалывает. Она терпеть не могла, когда мистер Росс звал их «юными леди». Неужели он думает, что от этого они станут вести себя как взрослые? Вряд ли. Роуз всегда считала, что в обращении к школьницам как к «юным леди» есть что-то унижительное. В репликах Кэрри точно не было ничего, что выдавало бы в ней леди. Она откровенная задира.

Майлз бросил на нее взгляд из инвалидного кресла. Несмотря на то что из-за церебрального паралича он мог двигать только одной рукой, глаза говорили за него: «Оставь ее, Роуз».

Ирония мистера Росса, называющего их «юными леди», дошла до нее, только когда она посмотрела на слова недели на доске. Через пять минут мистер Росс стер их, и они стали проверять орфографию. Учащиеся должны были записать каждое слово после того, как его произнесет мистер Росс, а затем составить из них предложения. Словами этой недели были: химера, эгоистичный, высокомерный, выдавать, маниакальный, воинственный, нерадивый и... – та-да! – **ПОКРОВИТЕЛЬСТВЕННЫЙ**. Это именно то определение, которое подходит человеку, называющему семиклассниц «юными леди».

На классную комнату опустилась тишина, пока мистер Росс произносил слова, а ученики их записывали. У мистера Росса было очень бледное лицо с красноватыми глазами, а на столе стояла огромная коробка салфеток. Роуз казалось, что он вечно сдерживался, чтобы не чихнуть. У него была какая-то гипераллергия. После того как класс записал все слова, они потратили следующие двадцать минут на написание предложений. За использование нескольких слов из списка в одном предложении баллы удваивались. Роуз почувствовала, как ее мозг набрал обороты, когда приступила к последнему предложению.

Обращение «юные леди» к девушкам седьмого класса не просто высокомерное, а поистине покровительственное, и, хотя оно, несомненно, подразумевает добрые намерения, на самом деле выдает в говорящем чувство превосходства.

«Вот так!» – подумала Роуз. Она опустила острие карандаша на точку в конце предложения с тремя использованными словами.

Когда они закончили проверку орфографии, мистер Росс собрал листки.

– А теперь, пожалуйста, возьмите «Убить пересмешника», и мы обсудим первую главу.

Он повернулся спиной и через ноутбук спроецировал предложение из книги на экран.

Мейкомб – город старьей, когда я его узнала, он уже устал от долгой жизни. В дождь улицы раскисали, и под ногами хлюпала рыжая глина; тротуары заросли травой, здание суда на площади осело и покосилось. Почему-то в те времена было жарче, чем теперь, и черным собакам приходилось плохо; на площади тень виргинских дубов не спасала от зноя, и костлявые мулы, впряженные в тележки, яростно отмахивались хвостами от мух⁴.

– Это, дамы и господа, ПРОЗОПЕЯ! – Учитель выкрикнул это слово так, будто придумал его лично. «Господи, – подумала Роуз, – как можно было испортить такую чудесную книгу?» Роуз, по-видимому, состроила рожицу, потому что привлекла внимание мистера Росса.

– Тебе есть что сказать, Роуз?

– Нет-нет... просто мысль в голову пришла.

– Ну так я прошу, поделись ею с нами.

– Нет, лучше не надо.

Я не нравлюсь мистеру Россу.

В воздух быстро поднялась рука Сьюзан:

– Думаю, интересно будет отметить, что Харпер Ли проводила больше времени в Нью-Йорке, чем в Монровилле, штат Алабама. Из-за такой известности ей нравилась анонимность большого города.

– Да, Сьюзан, это интересно, но я хотел спросить, понимает ли кто-нибудь из вас, что я имею в виду под прозопеей?

– Хм... – сказала Сьюзан, – думаю, это одушевление неживых объектов, например, города Мейкомба.

– Она хотела выбраться из Мейкомба и поехать в Нью-Йорк потому, что ей было скучно, – предположил Том, мальчик, который сидел за Сьюзан. – Я знаю толк в мелких, унылых городишках. До прошлого года я жил в Кокомо – там очень скучно. Индианаполис по сравнению с Кокомо – это целый Нью-Йорк.

– Что?! Ты шутишь? – спросил Джо.

Разразился шумный спор. Мистер Росс покраснел, как всегда, когда терял контроль над классом. Кто-то с задних рядов издал звук, имитирующий газы в животе. А может, кто-то по-настоящему это сделал.

– Леди и джентльмены! Леди...

«Ой, да замолчите уже!» – подумала Роуз, но увидела в глазах мистера Росса нечто похожее на панику и едва не начала его жалеть.

Едва, но не начала...

* * *

Они сидели на обеде за привычным столом со Сьюзан, Джо, Анандом, Кевином и Майлзом.

Роуз бросила взгляд на тарелку Джо.

– Отвратные макароны, – сказал он, – но лучше это, чем рыбные палочки в тако с сыром сверху, которые я есть просто не смог.

Он сделал паузу и посмотрел на Марисоль, новенькую, которая пробиравалась к их столу. Спустя секунду она споткнулась. Поднос улетел, и ее макароны приземлились на свитер шестиклассницы. Шестиклассница Дженни вскочила со стула и закричала:

⁴ Перевод Норы Галь. – (Прим. пер.).

– Этот свитер мне подарила бабушка, это кашемир! Ты... ты... неуклюжая девчонка, испортила мой фамильный свитер!

– Фамильный, как же, – пробормотала Сюзан. – Хватит заливать.

– Идиотка! – кричала Дженни.

Марисоль побледнела. Ее глаза забегали по столовой в поисках спасения.

– Не верится, что она только что это сказала! – охнула Роуз.

– Посмотри на них! Посмотри на Трио Апокалипсиса. – Джо наклонился и прошептал Роуз: – Они пытаются не смеяться.

– Скорее, Дуэт Апокалипсиса. Нет Брианны, – ответила она.

Действительно, Кэрри и Лиза ухмылялись, едва не воя от веселья. А Дженни тем временем зарабатывала себе «Оскар» за показательное возмущение:

– Ты знаешь, сколько он стоил? Этот свитер?

Ананд, который сидел рядом с Джо, вскочил, чтобы помочь Марисоль спасти остатки обеда. Она приехала всего несколько недель назад. Роуз освободила место для Марисоль.

– Не слушай их, Марисоль. Просто кучка дур.

– Эй! Посмотрите-ка, какой сейсмический сдвиг, – сказал вдруг Кевин.

– О чем ты говоришь? – спросила Роуз.

– Так, только не поворачивайтесь резко, посмотрите, кто сидит в углу один.

Все украдкой косили взгляд.

– Брианна одна? – спросил Джо. – Быть не может.

– Тогда это *точно* дуэт, – сказал Майлз. Ему было трудно развернуться в инвалидном кресле.

– Кто же ее заменит? – поинтересовался Ананд.

– Кто-нибудь заменит как пить дать, – ответила Роуз. – Это вакуум власти.

– Власти? – прошептала Марисоль. Она, по-видимому, испугалась. Очень испугалась.

– А, не волнуйся, это просто такое выражение, – сказала Роуз.

– Вообще-то это закон физики, – поправил Ананд. – Любое пространство, в котором давление ниже атмосферного. Я продемонстрирую.

Он начал сосать соломинку. Жидкость в ней поднялась.

– Видишь? – сказал он, глядя на Марисоль. – Я понизил давление, начав пить, и молоко потекло вверх. Вот там такой же эффект.

Он склонил голову в сторону Кэрри и Лизы, которые сидели за столом с парой шести-классниц.

– Одна из них заменит Брианну.

– Я поставила бы на наследницу кашемирового свитера, Дженни, – произнесла Роуз язвительным тоном.

Дженни была довольно миниатюрной, ростом скорее с четвероклашку, чем с шести-клашку, и прямо сейчас смотрела на Кэрри с обожанием. Может, она искала одобрения? Прежде русые волосы Дженни теперь мерцали розовым и сверкали блестками.

– Почему у нее розовые волосы? – спросил Джо.

– Да вы поглядите на синие пряди Кэрри! Понятно, что Дженни – жертва на алтарь Злых Королев – блестки как у Лизы и розовые волосы. Что еще вам нужно знать?

– Они похожи на пожеванную жвачку, – пробормотала Роуз.

У Дженни был курносый носик-пуговка, и Роуз подумала, что она очень похожа на Динь-Динь, потому что собрала волосы в маленький пучок на макушке. Челка падала наискось поперек лба. Точно такая же прическа, как у феи Динь-Динь из диснеевского мультфильма. «Бойкая, – подумала Роуз. – Бойкая с большой буквы “Б”!» Ходили слухи, что мама Дженни готовила ее к пробам в следующий сезон «Топ-модели по-американски: тинейджеры».

– Эй, Роуз, – сказал Майлз, – посмотри туда, мистер Росс пытается привлечь твое внимание.

Роуз подняла голову и увидела, как мистер Росс ей машет.

«Ой-ой», – подумала Роуз, встала с места и подошла к нему.

– Я не хотел прерывать твой обед, Роуз.

– Нет, все в порядке. Я уже поела.

Ложь.

– Что ж, давай лучше поговорим в классе.

– Хорошо.

Когда они дошли до кабинета, мистер Росс вытащил работы по орфографии:

– Я хочу извиниться.

– За что? – спросила Роуз и опустила голову. Она не могла смотреть в эти водянистые, полупрозрачные глаза, из которых вот-вот польются слезы. Девочка слышала, как он шмыгает носом.

– За это. – Он сунул ей бумагу.

Оттуда на нее глядел собственный почерк. *«Обращение к девушкам седьмого класса как к «юным леди» не просто высокомерное, а поистине покровительственное, и, хотя оно, несомненно, подразумевает добрые намерения, на самом деле выдает в говорящем чувство превосходства».*

– В твоих словах столько правды. Как говорит Харпер Ли в книге «Убить пересмешника»: «Нельзя по-настоящему понять человека, пока не примешь его точку зрения... Надо влезть в его шкуру и походить в ней».

Он посмеялся, а потом оглушительно чихнул.

– Прости. У меня аллергия на многие вещи, особенно в эту пору на падуб, некоторые виды рождественских деревьев...

– И на кошек?

– Да, и на кошек. Но суть в том, Роуз, что я никогда не задумывался, будто это выражение может звучать покровительственно... Я не могу поставить себя на место семиклассниц и смотреть на мир их глазами.

– Все в порядке, – пробормотала Роуз и замолчала.

– Нет, не в порядке, – ответил он.

Роуз хотела сказать, что он также не сумеет поставить себя на ее место и посмотреть на мир в двух столетиях, но не стала.

– В общем, прошу прощения. – Он взял красный карандаш и поставил на работе «A++»⁵.

⁵ В США оценка «А» означает «5», «отлично». – (Прим. ред.).

Глава 3. Знай врага своего

– Ты когда-нибудь думала о Марисоль? – спросила Роуз у Сьюзан, когда они выбрали обувь в любимом винтажном магазине «Старые души».

– Что ты имеешь в виду?

– Ну, знаешь, она появилась пару недель назад при загадочных обстоятельствах и как будто... не знаю, как будто чего-то боится.

– Думаю, она довольно умная, потому что ее английский очень быстро улучшается, – сказала Сьюзан. – И английский по программе у нее второй язык, да?

– Кажется, да, – ответила Роуз.

– Но я не знаю, с чего ты решила, будто она чего-то боится. Мне кажется, она просто очень устала, – сказала Сьюзан.

– Правда?

– Да, и ей довольно хорошо дается математика, думаю, поэтому она в нашем классе. Математика – это своего рода универсальный язык. – Сьюзан взяла в руки странное пальто. – Это еще что за ерунда?

– А... – донесся дрожащий голосок с другой стороны стойки. Это была маленькая дама с ворохом кудряшек на голове. – А я все думала, когда же вы до него дойдете. Это плащ-накидка. Вполне по моде двухсотлетней давности, если обрезать мех. Вышивка великолепна. Я продам вам плащ подешевле, потому что его почти весь изъела моль.

– Но не рукава, – сказала Роуз.

– Но что ты собираешься делать с одними рукавами? – спросила Сьюзан.

– Превращу их в штаны, бриджи. Смотри: это бархат, да и вышивка красивая.

– О да, в середине XIX века у модников была настоящая страсть к цветочной вышивке на пальто и жакетах, – сказала маленькая дама, Элси, владелица магазина.

Цветы напоминали Роуз длинные свисающие лозы с розовыми бутонами в оранжерее. Их аромат встречал ее, когда она возвращалась из Англии XVI века и Гринвичского дворца. Роуз задумалась, не в Гринвиче ли сейчас ее отец, или же он вернулся в Стоу-он-Волд и теперь сидит на скамье, плавит или обрабатывает золото для прекрасных украшений новой королевы. Ведь он – золотых дел мастер при дворе, а это важное положение, особенно сейчас.

Роуз прикусила губу, как часто делала, когда думала. Все это так несправедливо: ее отец – там, она – здесь. Следует ли ей рискнуть и вернуться, чтобы потом служить этой ужасной королеве? Разве не стоит встретиться с отцом и каким-нибудь образом переместить его в свой век? Ее родной век. Она знала, что это не его время, но он приспособится.

– Вы отдали бы его мне за пятнадцать долларов, Элси?

Элси посмотрела на Роуз. Ее голубые глаза, которые до этого сияли от радости, внезапно стали тусклыми, как при затмении: не застило ли их облако жалости?

– О, это слишком много. Забирай за десять, – весело ответила она. Однако Роуз показалось, что женщина сказала это несколько наигранно. «На мне что, написано, что я сиротка?» – подумала Роуз.

Когда они вышли из магазина, Роуз почти чувствовала на спине взгляд Элси. «Она заинтересовалась мной. Но Элси не может ничего знать». Роуз оттолкнула от себя это ощущение и задумалась о Марисоль. Почему эта девушка с блестящими карими глазами заинтриговала ее? Она казалась очень хрупкой, но сильной, настолько, что Роуз не могла себе и представить.

Но вопросы не о Марисоль, а о собственном затруднительном положении продолжали преследовать Роуз. Не слишком ли рискованно возвращаться?

* * *

Час спустя Роуз была в оранжерее с бабушкой. Они часто ужинали в одном конце стола с рассадой.

– Ты копаешься в еде, деточка, – сказала ей бабушка. – Тебя что-то беспокоит?

– Э-э-э... нет, не совсем...

Бабушка знала о ее путешествиях во времени. Розалинда Эшли сама была путешественницей, как и мать Роуз. «У нас такой ген», – объясняла ей бабушка. Но те века, по которым путешествовали они, были не так опасны, как те, куда попала бы Роуз по возвращении. Через несколько лет Мария Тюдор будет известна как «Кровавая Мэри»: за твердость, с которой сжигала на костре еретиков – протестантов и всех, кто не состоял в католической церкви. Скольких она тогда убила?

– Знай врага своего, – пробормотала бабушка.

Роуз застыла на месте. Бабушка словно прочла ее мысли. Какая жуть!

– Что? – воскликнула Роуз. Бабушка наклонилась над подносом саженцев, которые посадила неделю назад.

– Клещи все портят. Поддай мне распылитель.

Роуз подала, и Розалинда стала обрызгивать саженцы. Ее рот открылся, а глаза за толстыми линзами очков сузились.

– Мелкие паршивцы. Вот так! Я их истреблю! – воскликнула бабушка, нажав на курок пульверизатора.

Бабушка, конечно, знала своего врага, но знала ли Роуз королеву Марию? Когда враги саженцев были истреблены, бабушка широко зевнула и уронила голову на грудь. Через минуту она заснет.

В оранжерею зашла Бетти, бабушкина сиделка.

– Спит? – прошептала она.

– Еще нет! – отрезала Розалинда. – Как уснуть посреди битвы?

– Думаю, битва окончена, бабушка. Ты смыла всех клещей, – заметила Роуз.

– Откуда тебе знать? – Бабушка посмотрела на нее пустым взглядом. Часто бывало, что та просто не узнавала родную внучку. Это длилось недолго, но очень расстраивало Роуз. Она не обижалась на провалы в памяти, просто от этого становилось одиноко.

В конце концов, Роуз была, можно сказать, сиротой. Ее мать погибла в автомобильной аварии. Так что Роуз переехала жить к бабушке всего несколько месяцев назад. Ее бабушка, Розалинда Эшли, была единственной живой родственницей, пока Роуз не встретила отца в другом веке. Она даже не подозревала, что у нее есть отец, хотя, конечно, знала, что где-то он должен быть. Но потом девочка обнаружила прекрасный кулон в форме розы с потайной булавкой. Именно Фрэнни, ее подруга из того далекого века, нашла кулон первой. Она заметила булавку в медальоне, а открыв, увидела фотографии. Изображения показались Фрэнни очень странными, так как она, естественно, никогда раньше не видела фотоснимков. До их изобретения было еще несколько веков. Это было фото матери Роуз и самой Роуз, которые очень хорошо смотрелись в купальниках XXI века на пляже во Флориде. На фотографии Роуз было около пяти лет. Купальник с русалочкой и очки для плавания, которые свисали с ее шеи, с мультяшными лягушачьими глазами сверху. Руки сжимали карманный блокнот с Микки Маусом. В том возрасте она редко расставалась со своим диснеевским богатством. Во второй половине медальона была фотография мужчины, не современного, а определенно из шестнадцатого века, с подстриженной бородкой и высоким плотным воротником по моде того времени.

Этот человек, как узнала Роуз, на самом деле был ее отцом, Николасом Оливером, ювелиром при королевском дворе. Это он сделал тот медальон. Роуз встречалась с ним лишь два-

жды в шестнадцатом веке. Но теперь она решила вернуть его сюда, в свой родной двадцать первый век. Она вернула бы и Фрэнни, будь это возможно. Фрэнни, кухарка из Хэтфилда, была ее лучшей подругой в том времени, а Сьюзан – лучшей подругой в этом. Но она сомневалась, что Фрэнни пойдет за ней, ведь у нее там семья. Роуз обнаружила, что Фрэнни с мамой и папой тоже были путешественниками во времени. Но они переместились не так уж далеко, почти на сто пятьдесят лет, с 1692 года в Америке в середину XVI века в Англии. Бежали от повешения ведьм в Салеме, штат Массачусетс, где мать Фрэнни приговорили к смерти. Но теперь королева Мария сжигала протестантов на той самой земле, где их семья искала убежища. Сожжение, повешение – что будет дальше: кипящее масло? О, в шестнадцатом веке к способам убийства людей подходили творчески.

И тут Роуз поразились: Фрэнни действительно в опасности! Снова. Потому что Фрэнни скорее отрастит себе крылья и полетит, чем станет католичкой. Она была очень хорошей и наблюдательной протестанткой. Если бы ее спросили, какая у нее религия, она ответила бы, что англиканская церковь. Та самая, которую основал и возглавил король Генрих VIII. Но в то время существовала новая, или, скорее, старая, церковь во главе с папой римским, а не с королем или королевой Англии. Фрэнни это не понравилось бы. Возможно, ее семье снова придется бежать.

А насколько все плохо в Англии? Когда Роуз была там в последний раз, молодой король только-только умер. Мария еще не стала полноправной королевой, в то время как приказала Роуз присягнуть на верность. Сожжения еще не начались, но скоро могут начаться, возможно, сразу после коронации. Голос бабушки вторил у нее в голове. *Знай врага своего.*

«Ладно, – решила Роуз, – *домашка по французскому отменяется*». Она закончила костюм дракона Св. Георгия для Ледового бала, пришила последние чешуйки на панцирь, который наденет Майкл Хуанг. Майкл взял на себя роль Джо после того, как тот сломал лодыжку.

Теперь ей предстояло изучать не французский язык, а историю, и не историю Индианы, которая, похоже, была единственной в школьной программе этого года. Ей нужно было сделать доклад об эпидемии оспы 1752 года, которая чуть не уничтожила индейское население. Ох, вот бы королева Мария подхватила оспу! Сколько жизней тогда было бы спасено?

Глава 4. Скрип на лестнице

Роуз поднялась к себе в комнату и обнаружила, что Сентябрина плюхнулась на стол. Ноутбук – ее любимое место, потому что он излучает приятное тепло. К счастью, у Роуз был отдельный монитор, огромный. Наверное, он обошелся бабушке в тысячу долларов. Прямо сейчас на нем шло видео с кошками, любимый ролик Сентябрины: где кошка пытается залезть в сапог. А следом – любимый ролик Роуз: с котом, который выбирается из подушек на глубоком диване. Сначала виднеется только маленький розовый носик между двумя большими пухлыми подушками, потом – кончик хвоста из-за дальней подушки. С точки зрения Роуз, было похоже на то, что кота собирают по частям в каком-то случайном порядке. Сентябрина всегда довольно мяукала, когда кот появлялся целиком.

– Ладно, Сентябрина, хватит пялиться в экран.

Кошка повернулась и посмотрела на Роуз испепеляющим взглядом, таким, который говорит: «Как ты могла?» Взгляд кошки-подростка. На самом деле, подумала Роуз, он был даже несколько *покровительственным*, если уж придавать ему значение. Она спихнула Сентябрину со стола и положила айпад на пол.

– Если хочешь, поиграй с айпадом.

Сентябрина снова одарила ее покровительственным взглядом, изогнула спину и решительно ушла. Роуз вздохнула и повернулась к компьютеру. Сентябрина была склонна к театральности. Сейчас ей пришлось проявить презрение, но через пару минут она вернется. Настоящая королева драмы! Лучше Злой Королевы.

Роуз наклонилась и нажала на кнопку запуска игры «Котик на рыбалке». Пузырьки мягко лопнули. Сентябрина вернулась. Через несколько секунд игра уже началась, лапы быстро двигались, попадая по рыбкам на экране. Пятнадцать секунд – и Сентябрина уже дошла до уровня «Мастер».

Роуз внезапно поняла, что, перед тем как приступить к изучению истории, нужно закончить домашнее задание по естествознанию. Она решила написать о лепре⁶. Роуз косвенно была связана с этой историей. Так ведь можно убить двух зайцев одним ударом: лепрой! Она видела нескольких прокаженных, когда была в шестнадцатом веке – вот что заставило Роуз заинтересоваться этим для научного доклада.

С прокаженными обращались как с преступниками: их задерживали и отправляли в специальные больницы для больных проказой, которые больше напоминали тюрьмы. Если поблизости не было больницы, их заставляли носить на шее колокольчики, чтобы предупредить людей о приближении. Она вспомнила, как однажды гуляла с другой гардеробной дамой, Сарой, по деревне недалеко от дворца Хэмптон-Корт. Сначала она услышала колокольчик, а затем увидела дряхлую фигуру, шедшую по изгибу дороги. Сара закричала и схватила ее за руку, затянув Роуз в канаву у дальней обочины.

– Оберни фартук вокруг рта. Постарайся не дышать! К нам идет прокаженная!

Тогда Роуз впервые услышала о лепре. Позднее Сара в красках описала ей, как болезнь съедала плоть, а потом пальцы на руках и ногах, которые в конце концов начинали отпадать. Мисс Лафферти, их учительница по естествознанию, сказала им сделать доклады о различных заболеваниях и состояниях, которые распространялись под воздействием инфекции: о тех, которые передавались по наследству, о врожденных или вызванных родовыми травмами.

Мисс Лафферти посчитала прокажу отличной идеей для доклада, но, когда Роуз сказала ей, что собирается назвать доклад «По ком звонит колокол», она ответила, что этого лучше

⁶ Лепра (устаревшее название – проказа) – хроническое инфекционное заболевание, ранее считавшееся неизлечимым и крайне опасным для окружающих. – (Прим. ред.).

не делать. Такое же название было у романа одного из величайших американских писателей, Эрнеста Хемингуэя. Так что теперь Роуз предстояло придумать новое название... но сначала – закончить отчет.

Когда Сентябрина наконец успокоилась, Роуз смогла сосредоточиться. Она вставила наушники. Ей не думалось о лепре и странном больном мире Марии Тюдор без какой-нибудь классной музыки. BWB была ее любимой современной группой.

BWB означало *Boyz Will Be Boyz*. Их со Сьюзан любимым певцом был кореец Юу Пак, ну о-о-очень симпатичный.

Песня мягко заиграла в ушах. Ее звуки были словно созданы специально для нее, а голос Пака – просто идеален. Он шептал ей прямо на ухо, в этом девочка не сомневалась.

*Я ни там, ни тут,
Как в бюро находок.
Меня потеряли, но не нашли.
Никого не волнует, что у меня внутри.
Пусть моя это вина, но идти мне некуда.
Нет места, нет спешки, прошу, прости меня.
Ла-на-ла-ла-на-ла-на.*

Эти глупые слоги нежно лились Роуз в ушко и успокаивали, пока она гуглила королеву Марию Тюдор. Она жила в ту же эпоху, когда появилась лепра, став второй чумой того века. Мария стала королевой 6 июля 1553 года, в день смерти своего сводного брата, короля Эдуарда. До ее коронации оставалось еще три месяца, но она уже и так считалась правительницей. Она может нанести много вреда до того, как ей наденут на голову корону. Роуз продолжала гуглить.

– Боже милостивый, – пробормотала она, – кто это?

Перед ней была фотография молодой женщины, некой леди Джейн Грей, которая... В сердце Роуз загорелась надежда.

– Она занимала трон целых девять дней!

Роуз широко открыла глаза. Она вспомнила, как молодой король говорил с ней о леди Джейн Грей. Он хотел, чтобы его преемницей стала она, а не Мария. Ну, она и стала, пока через девять дней ее не бросили в тюрьму. Джейн держали в Тауэре как заключенную, осудили за государственную измену и обезглавили. Роуз наклонилась ближе и прочитала запись в «Википедии»: *Леди Джейн Грей имела превосходное гуманитарное образование и репутацию одной из самых просвещенных молодых женщин своего времени.*

– И посмотрите, к чему это привело! – пробормотала Роуз.

«*Быть гуманистом среди дикарей – дело неблагодарное*», – подумала она и продолжила чтение. Первой жертвой сожжения королевы Марии стал Джон Роджерс в феврале 1555 года. Роуз знала, когда последний раз была в Гринвичском дворце: 6 июля 1553 года. Первые сожжения случатся через два года. Но время не синхронизировалось с точностью до дня. В том мире оно вело себя по-другому. Когда она вернется в Англию, может пройти год или всего неделя. Нельзя сказать наверняка, появится ли она в Гринвиче на Пасху или отправится в Хэмптон-Корт на Рождество в совершенно другом году, скажем, в 1554-м или, что еще хуже, в 1555-м, когда бедного мистера Роджерса будут казнить. Согласно «Википедии», к концу того года сожгли еще семьдесят пять человек. Может, даже ее отца или Фрэнни! Она должна вернуться, это просто необходимо. Если она сумеет спасти Фрэнни и отца, это окупит все. Она будет шить одежду этой Злой Королеве до... до... до второго пришествия, как говорила ее мама. Она любила старинные поговорки, «анахронические» (слово для списка орфографии на следующей неделе).

Роуз почитала еще несколько минут и резко отклонилась от курса больных лепрой, начав составлять перечень симпатий, антипатий и привычек Марии Тюдор. Она знала многое, о чем не знала «Википедия»: например, что та ходила в часовню как минимум четыре раза в день, что ей нравились пережаренное мясо и недожаренные яйца. Роуз также знала благодаря двадцать первому веку, что недожаренные яйца могут вызывать сальмонеллу, а сальмонелла, в свою очередь, – диарею. Когда королева Мария была принцессой Марией, то часто была «нездоровая» – мама называла это «медвежьей болезнью», которую иногда подхватывала и сама Роуз.

Девочка написала длинный список всего, что знала о своем «враге», Марии, нынешней королеве Англии. *«Я могла бы стать криминалистом ФБР»*, – подумала девочка. Но ей не хотелось ловить Марию. Она просто хотела сбежать от нее, но сделать это лишь после спасения отца и, может быть, Фрэнни, если больше никогда туда не возвращаться. Пока отец в том веке, нет ни минуты покоя.

Дома стало тихо. Сентябрина выскользнула из комнаты – наверное, вернулась в любимый уголок в переулке за домом. Сентябрина, по большей части, была кошкой шестнадцатого века. Социальные сети и игры с кошачьими приложениями не занимали ее надолго. Завтра будет день мусора, в котором она иногда рылась. Несмотря на свою привередливость, как и большинство кошек, Сентябрина могла ввязаться в приличную драку за рыбы потроха, и Роуз казалось, что двадцать первый век был для нее чересчур аккуратным. Рыбы кишки, куриные сердца и печень сейчас измельчались в мусородробилках, и их редко бросали в мусорные баки. Но кошка все равно рыскала там-сям.

И Роуз – тоже. Она спустилась и направилась в оранжерею. Как только шагнула на вторую ступеньку, раздался скрип. Она надеялась, что бабушка его не услышит.

Но та услышала. Лежа в постели, бабушка Роуз открыла глаза. Розалинда вздохнула и пробормотала:

– Опять она пересекает границу.

Вздохнула второй раз.

– Бог в помощь, – прошептала она.

Когда Розалинда путешествовала во времени, было не так опасно. Тогда мать Марии, Екатерина Арагонская, была счастлива. Счастлива так, как никогда не была с братом Генриха, который как раз так удачно умер. После смерти брата Генрих сразу же начал атаковать Екатерину. О, молодой король Генрих был в те дни стройным, веселым, полным остроумия и трепета, в десять раз красивее и живее своего брата. Но потом все пошло наперекосяк. Бедная Екатерина не смогла родить больше ребенка, кроме хилой дочки Марии. Розалинда никогда не встречала таких младенцев. Она родилась с воем и хмурым выражением, которое никогда не покидало лица. Самый угрюмый ребенок, которого Розалинда когда-либо видела. У принцессы Марии, по-видимому, было только две эмоции: она либо хмурилась, либо ухмылялась. И ничего не могла с собой поделаться, как предполагала Розалинда. Одному богу известно, как все они пытались ее рассмешить. Бесполезно. А теперь родная внучка Розалинды возвращалась в то время.

Розалинда, конечно, не знала, в эпоху чьего правления переместится Роуз. Она никогда не задавала много вопросов. Сама она служила в начале правления Генриха VIII и чувствовала, что ее дочка, мама Роуз, попала в самые мрачные дни брака Генриха с его второй женой, Анной Болейн. И если время идет так же, возможно, Роуз пропустит эпоху монарха и будет служить Елизавете.

Однако Розалинда знала: Роуз чувствовала, что ее отец – мужчина из того века, и, скорее всего, была права. Но у них имелось негласное правило: ни Роуз, ни ее бабушка не будут слишком глубоко вникать в дела друг друга в тех давних временах. В конце концов, эпохи нельзя изменить, они никому неподвластны.

Задача Розалинды в современной эпохе заключалась в том, чтобы в меру своих сил воспитывать осиротевшую внучку. А когда она умрет... что ж, Роуз достанутся большие деньги. Что же касается любви... Она любила Роуз так сильно, как умела, и не собиралась совершать ту же ошибку, что сделала с мамой Роуз, Розмари, когда запретила той возвращаться. Было глупо с ее стороны. Потерять живую дочку из-за безрассудного упрямства – просто нелепо. Больше она так не поступит. НИКОГДА!

Глава 5. Другая Роуз

Однажды Роуз задумалась, стоя в оранжерее. Она коснулась пустоты между ключицами, где раньше висел медальон с красивой дамасской розой, который отлил из золота ее отец, Николас Оливер. Роуз знала, что о нем не стоит так волноваться, но будь проклята эта принцесса Елизавета, которая забрала у нее медальон! Забрала по своему глупому «праву Тюдора». *Это роза Тюдоров. Носить ее могут только Тюдоры.* С такими словами Елизавета его и потребовала. Роуз молилась, чтобы принцесса не узнала, что розовый кулон был не просто украшением, а медальоном. Если она найдет потайную булавку, он откроется. Две фотографии внутри непостижимы для умов шестнадцатого века.

Роуз пыталась представить себе, как принцесса Елизавета смотрит на эти изображения. На первом – Роуз на пляже, во всем своем диснеевском обмундировании, с мамой в купальнике, который они называли «мамакини», а на второй – Николас Оливер. Его принцесса признала бы сразу.

С того дня, как Елизавета забрала медальон, Роуз скучала по приятному теплу, которое раньше касалось ключиц. Ей особенно не хватало медальона, когда она каталась на пони по кличке Айви в академии верховой езды «Охотничья долина», где брала уроки. Было так приятно, когда он бился о грудную клетку, пока она ехала легким галопом. Естественно, она постоянно переживала, что Елизавета найдет булавку и откроет медальон. Как Роуз это объяснит? Хотя ей было всего пять или шесть, когда сделали эту фотографию, но узнать ее было просто. А что насчет мамы в мамакини? Разве позволено в шестнадцатом веке настолько оголяться в общественном месте? И отец, Николас, тоже может оказаться в опасности, если будет суд. Его признают виновным и, вероятно, колдуном. Да, в той Англии этим до сих пор занимались. Жену Генриха VIII Анну Болейн, помимо всего прочего, признали ведьмой, а потом отрубили голову. Колдовство не зависит от пола. За него могли осудить кого угодно.

Лунный свет проникал сквозь купол, окрашивая серебром листья виноградной лозы. Ветер, появившийся из ниоткуда, шевелил свисавшие растения. Роуз почувствовала, как влажный, прохладный воздух оранжереи растворился и его перебил новый запах: внезапно появившейся плесени, смешанной с камфорой. На стенах затанцевали тени от свечей. Она была в швейных комнатах Уайтхоллского дворца в Лондоне. Диван с костюмами для фигурного катания пропал, вместо него возникли двадцать платьев, а может, и больше, подвешенных на сетке из веревок. Платья для коронации, которая должна состояться через несколько недель, 1 октября 1553 года. Роуз зауглила эту дату, пока была в родном веке. В тот единственный день королева меняла платья и наряды полдюжины раз. Сквозь лес подвешенных платьев и нарядов к ней шел роскошно одетый джентльмен. Он то и дело наклонял голову, лавируя среди одежды. Его звали Эдуард Уолдегрейв, хранитель гардероба. Позади него двигался маленький человек, Симон Ренар, испанский посол при дворе.

– И, Роуз, ты уже пришила вставки, да?

– Как раз этим сейчас занимаюсь, сэр.

Она опустила взгляд на безвкусный кусок ткани с бело-золотой блестящей нитью. Если бы платье не выцвело от времени, то выглядело бы точь-в-точь как то, которое было на Эльзе, Снежной королеве из шоу «Дисней на льду». Но здесь не «Дисней», это уж точно. И наряд не для фигурного катания, а для коронации, и королева не Эльза, а Мария Тюдор.

Симон Ренар подошел к столу, где шила Роуз.

– Вам не кажется, что это может... испортить фасон платья? – спросил он.

– Королева настояла, – ответил Уолдегрейв. – Это подарок ее отца на первый день рождения.

Роуз закатила глаза. Трудно было представить более скучный отцовский подарок годовалому ребенку. *Ух ты, белый атлас с блестками! Спасибо, папа!*

– Мне кажется, в нем она будет выглядеть несколько старой, а может быть, даже обрюзгшей, – возразил Ренар.

«*Старой – да, – думала Роуз, – но не совсем обрюзгшей*». Мария была довольно сухожильной, хотя кожа у нее свисала заметно для человека, которому нет еще и сорока. Посмеет ли она что-нибудь сказать?

– Я... я склонна согласиться, сэр Ренар.

– Она так хочет, – твердо произнес Уолдегрейв. – Она – наша первая королева за четыреста лет и получит все, что хочет!

Хоть до Марии и были королевы, но фактически сэр Эдуард был прав. Они достигали своего положения только благодаря браку. А Мария пока не замужем, хотя изо всех сил пыталась это исправить. Она была королевой по собственному праву, следующей в очереди на престол после смерти брата. Людям по двадцать раз на дню напоминали, что она – настоящая первая королева по праву рождения. Мария и сама не упускала возможности вернуть это во всех разговорах, а ее придворные дамы непрестанно высказывались по данному поводу. Слуги тоже часто повторяли это, словно ждали чаевых, грош-другой, делая так в пределах слышимости королевы.

– Будет ли оно готово к примерке? – спросил Уолдегрейв.

– Да, сэр, я уже делаю последние стежки.

– Превосходно, моя девочка. Превосходно!

Роуз почувствовала, как ее плечи опустились. *Ты можешь просто замолчать? Я не твоя девочка!* Интересно, что хуже – мистер Росс, называющий ее «юной леди», или сэр Уолдегрейв с этой «моей девочкой»? Она ничья, кроме отца, Николаса Оливера.

Что такое с этими мужчинами из шестнадцатого и двадцать первого веков? *Моя девочка, юная леди.* Однако указать сэру Уолдегрейву на покровительственный тон не было никаких шансов.

Эдуард Уолдегрейв продолжил:

– Она мгновенно переоденется в синее бархатное платье, на которое сверху накинёт малиновую мантию парламента. Вон тот наряд, слева. – Он указал на бордовую накидку, отделанную горностаем и кисточками из золотого шелка.

Роуз смутно вспомнила, что именно ей поручили пришивать новые кисточки, и попыталась подсчитать, как долго ее не было при дворе. Последний раз она видела королеву в июле, точнее, 7 июля, на следующий день после смерти короля Эдуарда и того, как Мария заставила ее поклясться в верности. Но время в этом расколоте мире Роуз шло странно. Месяц в Англии шестнадцатого века мог равняться всего пяти-десяти минутам в ее родном веке. Люди старого мира, похоже, не скучали по ней и даже не замечали ее ухода. Как будто в ее отсутствие прислуживал призрак. Часто, когда она возвращалась, у нее оставалось что-то вроде воспоминаний, как полузабытые сны. Она знала то, над чем работала или чем занималась, пока отсутствовала в этом времени. Такие же ощущения просачивались в нее сейчас.

Роуз вспомнила, что отношения между Марией и ее сводной сестрой Елизаветой стали ухудшаться. Мария заподозрила, что сестра не ходит на мессу. Протестантские службы были теперь запрещены. Ярые католики порицали Библию, так как считали многие переводы антикатолическими. Ходили слухи, что Мария посылала шпионов наушничать на любых своих придворных, от слуг до послов, которые владели Библией или подозревались в ее чтении. Кондитер на кухне, ответственный за всю сахарную глазурь на тортах, был арестован за то, что его поймали с Библией. Она еще вспомнила, что у нее появилась новая соседка по комнате, так как ее лучшая подруга Фрэнни вернулась в Хэтфилд с принцессой Елизаветой. Теперь они жили в одной комнате с Сарой, которую королева тоже назначила служить в гардеробе.

Послышались быстрые шаги, приближавшиеся к швейному цеху. Дверь раскрылась.

– Ее величество королева направляется сюда, – объявил лакей.

Роуз и три помощницы швеи вскочили со стульев, вышли из-за швейного стола и опустились на колени. От сэра Эдуарда и испанского посла благодаря их высокому положению при дворе полагалось лишь глубоко поклониться, подойти к королеве и поцеловать ей руку. Роуз поблагодарила свои счастливые звезды за то, что ей целовать руку необязательно. Она могла не удержаться и укусить.

– Ваше величество, все почти готово, – сказал Уолдегрейв.

– Почти?

– Роуз Эшли, главная швея, заканчивает последние стежки на платье цвета слоновой кости, которое нужно надеть на пиршество.

– Хорошо, – сухо сказала королева. – Можете подняться.

Это замечание адресовалось Роуз и трем молодым девушкам, которые помогали ей. Роуз подняла голову и почувствовала, как кровь стынет в жилах. На шее у королевы Марии висел золотой медальон, ее медальон, тот самый, который забрала Елизавета, сделанный отцом. Ее охватило чувство тошноты. Это было хуже, намного хуже, чем когда Елизавета забрала медальон себе. Но как глупо было со стороны Роуз не догадаться, что так и будет! Разве Фрэнни не сказала ей, когда Мария впервые приехала в Хэтфилд, что та присваивала чужие вещи? Ей вспомнились слова Фрэнни. *Елизавета никогда не держит при себе личную прислугу, когда рядом Мария. Она даже запирает все свои драгоценности.* Итак, королева Мария уже забрала у нее Роуз. Так почему бы ей не забрать и драгоценность? Взгляд девочки не отрывался от медальона. Потом она поняла, что глаза королевы прикованы к ней.

– Что это за штуки висят у тебя на ушах – украшения?

Боже мой! Мои наушники! Как она могла забыть их выгащить?

– Ты знаешь, что слугам не разрешено носить украшения в моем присутствии?

Надо быстро соображать. Это первый раз, когда она принесла с собой что-то из родного века в этот. Роуз всегда попадала сюда в другой одежде и без «аксессуаров» XXI века: заколок, айфона и кроссовок. Всегда была идеально одета по эпохе, в форму прислуги: длинное черное средневековое платье с вшитым лифом и гофрированным воротником. Под платьем она носила сорочку, а на голове – французский чепчик, который напоминал монашеский. Волосы прятались под ним. Не должно быть видно ни единого волоска, а тем более наушников! Смена одежды была загадочным явлением: Роуз никогда не знала, во что ее оденут, но всегда соответствовала случаю.

– Отвечай! – Голос королевы был натянут как струна. Бледно-ореховые глаза оставались холодными и суровыми. Кончик носа, казалось, дрожал, и лицо выглядело дико, как у хищника, отслеживающего добычу.

– Простите, ваше величество. Это никак не украшения. – Она достала наушники из ушей. – Это просто дренаж, ваше величество.

– Дренаж?

– Да, видите ли, ваше величество, я подвержена ушным инфекциям... э-э-э... в ушах собирается жидкость... и...

– Сидр и чеснок не помогают?

– Не очень. – Роуз попыталась представить себе, как засовывает себе в ухо дольку чеснока. – А мне, конечно, очень важно слышать все указания сэра Эдуарда по поводу платьев и нарядов для коронации. Поэтому я ношу дренаж по несколько часов в день, это действительно помогает.

Королева протянула руку:

– Я хотела бы их осмотреть.

«О господи! – подумала Роуз. – *Что она скажет? Провода в пластике. В пластике! Его ведь еще даже не изобрели*». Но поднялась и отдала наушники королеве.

– Какой любопытный материал. Что это, скажи на милость?

– На самом деле... – Роуз колебалась.

– Да?

– Вообще-то это маринованные высушенные свиные кишки.

– Боже мой! И ты говоришь, что тебе это помогает?

– Именно так.

– Я хотела бы попробовать. Меня беспокоит левое ухо.

– Да, конечно, только вряд ли стоит это делать.

Разве нынешние люди не знают о микробах и заразных заболеваниях (за исключением, конечно, лепры)? Уже должны. В свое время потница была настолько сильна, что младшая сестра Фрэнни умерла от нее летом, до того, как Роуз впервые попала в это время.

– Почему это? – не выдержала королева.

– Из-за микробов, – неуверенно сказала Роуз.

– Микробов? Что такое «микробы»?

Роуз зажмурилась. Как она могла забыть? На занятиях по естествознанию на прошлой неделе они смотрели под микроскопами на образцы бактерий. Мисс Лафферти сказала, что Луи Пастер обнаружил связь между микробами и болезнями лишь в 60-х годах XIX века. «До тех пор люди знали, что болезни могут распространяться, но не знали сам механизм, с помощью которого они это делали». Мисс Лафферти упомянула, что слово «микробы» – относительно новое.

– Микробы – это такие семена. Вы ведь не хотите, чтобы у вас в ушах были семена из моих ушей, не правда ли?

Ледяное лицо королевы стало абсолютно серым. Она открыла и закрыла рот, как рыбка. Оттуда не прозвучало ни словечка. Затем ее глаза превратились в злые узкие щелочки:

– Как ты смеешь такое предлагать?!

И она сунула наушники обратно в руку Роуз.

Глава 6. Заносчивая!

Как только королева Мария вернула наушники, вошел паж. Опустившись на колени, он объявил дрожащим голосом, который, казалось, срывался через каждые несколько слов:

– Ваше величество, прибыл королевский ювелир, чтобы обсудить с вами изменения для короны, необходимые для вашего комфорта.

Королевский ювелир! Пана! Здесь? Роуз виделась с отцом всего дважды, и теперь он снова здесь.

– Он ожидает вас в королевских покоях.

Королевские покои! Королевские покои! Это еще где? Уайтхолл был слишком просторным дворцом. Придется это выяснить. Возможно, получится проследовать за королевой и ее свитой, пока они будут туда идти. Королева могла видаться с ее отцом, когда захочет, а Роуз вынуждена была пробираться к нему тайком. Что ж, в таком случае она сделает это, если надо!

Вот только Роуз не представляла, что ее отец думал о том же: *«Почему я должен придумывать уловки, чтобы видаться с родной дочерью?»* Николас Оливер мало что знал об отцовстве, но точно понимал одно: нельзя бояться отыскать собственную дочь, родную плоть и кровь. Он пытался сообщить подруге Роуз, Беттине, о своем предстоящем визите, чтобы та ее предупредила, но не знал, достигла ли ее весть. Он с нетерпением ожидал в покоях вместе с несколькими министрами королевы, которые тоже ждали, когда она подпишет стопку документов и прокламаций.

Роуз тем временем придумала отличный повод, чтобы попасть в покои в нужное время. Королева осталась в синем платье, которое Роуз подшила тем же утром. Ее величество заходила в швейную мастерскую для примерки. Отвлечшись на обсуждение вставки из слоновой кости и наушники, об этом все забыли. Сразу после того, как королева вышла из швейного цеха, Роуз повернулась к Саре и охнула:

– Боже правый! Я оставила булавки в рюшах на спине. Они могут исколоть ее величество. В какой стороне находятся королевские покои?

– Выйди, поверни налево, в коридор у портретной галереи, затем в конце еще раз налево и через двор. Если побежишь, то сможешь их догнать.

До покоев было как минимум четверть мили. Когда она ворвалась туда, полдюжины людей с изумлением обернулись на раскрасневшуюся молодую девушку.

Она тут же упала ниц:

– Простите, ваше величество, но в платье еще остались булавки. Молю вас, не садитесь! Просто повернитесь, чтобы я смогла добраться до рюш.

Послышались смешки, так как почти все присутствующие представили, как жесткой, капризной старой королеве в зад впились булавки. Николас Оливер в самом деле едва не разразился смехом, ибо он был единственным человеком в покоях, который понял, что это полная чушь. *«Какая у меня умная дочь!»* – подумал он, не в силах оторвать глаз от Роуз. Та опустилась на колени, осматривая заднюю часть платья, успев подмигнуть отцу, сказав этим, что они встретятся после собрания. Теперь ее прятали пышные юбки платья, и никто не видел, что она просто притворяется, будто вынимает булавки. У нее хватило ума надеть на запястье игольницу, чтобы втыкать в нее невидимые иглы.

– Готово! – сказала она поспешно и встала с колен.

– Надеюсь, ты вытащила все, – мрачно произнесла королева.

– Все до единой, ваше величество.

– Тогда ты свободна.

Роуз двинулась к выходу и, когда проходила мимо отца, споткнулась... совсем чуть-чуть. Отец поймал ее за локоть. *«Боже мой, – думала она, – все как тогда, в столовой, только*

Марисоль не притворялась, что споткнулась. Она действительно упала. И так случилось потому, что кто-то дал ей подножку. И этот кто-то – скорее всего, Динь-Динь!» Роуз вдруг поняла это.

– У конной гвардии, у кузнечного двора, – прошептала она, пока отец помогал ей встать на ноги.

* * *

Четверть часа спустя она услышала шаги по брусчатке и выглянула из-за угла, возле столбов, где кузнец обычно привязывал лошадей, чтобы подковывать. У столбов не было ни единой лошади. Двор был совершенно пуст, лишь иногда раздавалось ржание одной из десятков лошадей в конюшнях.

Она затаила дыхание. Отец был высоким мужчиной, и под небольшим углом солнца позднего полудня его длинная тень падала на брусчатку кузнечного двора.

– Папа! – позвала она тихонько. Шедшая тень остановилась, и Роуз побежала по двору, перепрыгнув через тень к нему в объятия. Грубая ткань его колета⁷ врезалась ей в щеку, послышался знакомый аромат розмарина. Он всегда носил веточку травы в жилете в честь ее мамы, которую звали Розмари.

– О, папа!

– Розы! Розы!

– Папа, вернись со мной.

– Но как?

– Думаю, я сумею как-нибудь в этом разобраться. Я имею в виду, что я же как-то перехожу. И ты тоже можешь.

Они уже однажды говорили об этом, но отец мешкал. Как ему влиться в общество, которое живет на пятьсот лет позже него? Как ему там освоиться? Роуз почувствовала, что у него в голове и сейчас пробегают те же мысли.

– Папа, ты до этого говорил, что пойдешь со мной даже туда, где заканчиваются время, пространство и место, что пересечешь океаны и границы между столетиями и между Кентукки и Индианой, или Огайо, или Мичиганом. Это твои точные слова.

– Знаю, дорогая. Знаю, и я был серьезен, но сейчас очень опасные времена. Тебя здесь не должно быть. Худшее еще впереди.

– Я знаю, папа! Лучше тебя знаю, что будет дальше.

В этот момент во двор вошел кузнец, ведя за собой большого боевого коня.

– А ну-ка прочь от столбов, если не хотите, чтобы я вас приковал! – закричал он.

– нас не должны видеть вместе, – быстро сказал отец. – Но, милая моя девочка, тебе надо вернуться, и быстро. Здесь слишком опасно.

Не было смысла спорить с отцом тут, на кузнечном дворе. Роуз отступила, сунула руки в глубокий карман на платье и скрестила пальцы.

– Как скажешь, папа.

– Правда? – Он пристально посмотрел на нее. Трудно было догадаться, о чем он думал. – Ты врешь ничуть не лучше, чем твоя мама.

На его лице мелькнула улыбка, и глаза засверкали, как будто он вот-вот рассмеется:

– Очень умно с твоей стороны придумать эту уловку с булавками. Булавками, впившимися в зад как занозы!

– Что поделать, – Роуз пожала плечами, – она довольно заносчивая.

– Это такой каламбур? – спросил отец. Роуз заметила, что он не совсем понял.

⁷ Колёт (*франц. collet* – воротник) – мужская короткая приталенная куртка без рукавов (жилет). – (Прим. пер.).

- Полагаю, да, – ответила Роуз. – Ну, знаешь, самодовольная. Высокомерная. Заносчивая!
- Полагаю, сей каламбур как раз по моде двадцать первого века.
- Может быть, он не такой уж и новый. Думаю, это выражение существует уже давно.
- Как и я. – Николас Оливер вздохнул.
- Папа! Ты выглядишь не старше сорока пяти, честно.
- В твоём времени мне будет пятьсот сорок пять.
- Нет, ни на день больше. Так ты пойдёшь? – спросила Роуз.
- А ты уйдёшь? – поинтересовался он в ответ.
- Прочь с дороги, оба! Этот жеребец спесивый! – вновь крикнул кузнец.

Они спланировали встретиться снова на следующий день, если выпадет возможность.

Как Роуз уснуть этой ночью?! Она так волновалась! Просто необходимо было убедить отца отправиться в её время. Девочка точно знала, что бабушка его полюбит. Вместе они придумали бы, как... как... вписать его в свой век. В этом она не сомневалась.

Глава 7. Вечно молодая

Сара и Роуз делили крошечную спальню под карнизом в Йорк-плейсе Уайтхолла. Йорк-плейс был сердцем этого роскошного дворца. Его строили как дом мечты Генриха VIII и Анны Болейн, пока той не отрубили голову. Королева Мария пребывала в восторге от этой бесконечной роскоши. Разбитая мечта мачехи, которую Мария на дух не переносила. Роуз это казалось абсолютным сумасбродством. Но такой уж была королева – у нее в голове творился сумасшедший дом, если бы они уже существовали в то время. Ее мстительности в отношении Анны Болейн не было конца и края.

– Чем не счастье? – спросила Сара, надевая ночную сорочку и спальный чепчик. Она наклонилась к крохотному зеркальцу, которое висело над умывальными чашами. – Ты только погляди на нас. Вот мы с тобой уже швеи при королеве, а теперь еще и с двумя умывальниками и зеркалом. У нас есть статус, Роуз. Статус.

Роуз повернулась к ней так, что в зеркале отразились лица обеих.

– О господи! – охнула Сара.

– Что такое?

– Кажется, морщинка.

– Смешно, – ответила Роуз. – Ты еще недостаточно взрослая для морщин.

– Что ты имеешь в виду? Мне почти тридцать.

– Нет, не тридцать.

– Двадцать восемь.

«Как такое может быть?» – задалась вопросом Роуз. Но внезапно ее как молнией ударило. Саре и было двадцать восемь. Когда Роуз впервые появилась в Хэтфилде и они обе служили Елизавете, Саре было восемнадцать. Год тогда был 1544-й, и для Сары прошло почти десять лет. Шел 1553 год. Надо бы аккуратнее прощупывать почву. И, пока она это обдумывала, Сара сказала:

– Ты только посмотри на себя, Роуз. Ты ни капельки не изменилась с тех пор, как впервые сюда приехала. Никаких морщинок, лишь прыщики то тут, то там. Я думала, ты их уже переросла. – Она вздохнула. – Ты кажешься вечно молодой.

– О... э... уверена, возраст догонит меня, когда я меньше всего буду об этом подозревать. – Роуз выдавила из себя смешок.

– Ну, пора поспать. Завтра нас ждет третье платье для пиршества. – Сара снова вздохнула. – Сплошная радость ей служить. – И она повернулась на другой бок.

– Кому?

– Королеве, конечно.

Радость служить. Она, должно быть, чокнулась!

– Я очень за нее волнуюсь. За ее здоровье. Оно такое слабое! А сама королева такая худенькая.

– Как думаешь, у нее расстройство пищевого характера?

– Что? О чем ты говоришь, Роуз? Я никогда о таком не слышала, что еще за расстройство пищевого характера?

– Не бери в голову.

– Просто мне интересно, не слишком ли она хрупкая, чтобы разродиться ребенком?

– Думаю, сначала она должна разродиться мужем.

– Роуз! – Сара села прямо на постели. – Какой кошмар. Что ты такое говоришь?

– Я имею в виду, ей нужно выйти замуж. Ребенку расти одному – не сахар.

Уж я-то знаю. Вот поэтому я здесь, чтобы снова увидеться с отцом, ведь мама, мой единственный родитель, умерла.

– Роуз! – Сара хихикнула. – У тебя такой странный взгляд на вещи. Ей подыскивают супруга.

«*Это преуменьшение года!*» – подумала Роуз. Кстати, об охоте на женихов: одна уже состоялась. Об этом судачили по всему дворцу. Ходили разные слухи о том, кто мог претендовать на руку королевы Англии. О Карле V, императоре Священной Римской империи, потом о его двоюродном брате Филиппе, принце Испанском, – поговаривали, что его популярность при дворе растет. А Эдвард Куртене, граф Девон, представлялся Роуз настоящим близняком, хотя остальных она никогда не видела.

– Я лишь говорю о том, что лучше завести мужа, прежде чем рожать детей.

– Твои слова возмутительны, Роуз. Конечно, у нее будет муж, они будут жить долго и счастливо и нарожают кучу детишек.

«*Но вопрос не в том, – подумала Роуз, – сможет ли королева Мария выносить ребенка, а в том, сможет ли супруг королевы Марии вынести ее саму.*»

Вскоре она услышала мягкий храп Сары. Хотелось, чтобы здесь была Фрэнни и чтобы отец вернулся с ней! Он тут, в Лондоне, в Уайтхолле, но она никогда не чувствовала себя настолько брошенной... Одиночество, как ей казалось, напоминало непроницаемую каменную стену, которая росла вокруг человека, отрезая его от всего остального.

Роуз вдруг поняла, что видела или чувствовала это одиночество в Марисоль, ее больших блестящих карих глазах. Почему Марисоль выстроила вокруг себя стену? Теперь Роуз была уверена, что Дженни, она же Динь-Динь, специально подставила ту подножку. Вероятно, это часть ритуала посвящения в Злых Королев XXI века, спецподразделение гнева и разрушения. Остальным всегда приходилось проявлять себя. Они поступили так же с Сибби Хуанг, когда заставили ее испортить коньки Джо. Но Сибби, к счастью, поняла, насколько ужасны они были и насколько ужасной становилась она сама. И больше к ним не подходила.

Роуз о стольких вещах не могла поговорить с Сарой, но могла с Фрэнни. Что подумает Сара, ответь ей Роуз, что она, естественно, никак не изменилась? *Видишь ли, Сара, я действительно не стала старше с тех пор, как ты в последний раз меня видела. Максимум на несколько минут.* Но она не могла ничего такого произнести.

А Фрэнни знала все ее секреты потому, что тоже была путешественницей во времени. Знала, откуда взялась Роуз, пыталась помочь найти ее отца. Фрэнни никогда ее не предала бы. Карлица Беттина тоже знала, кто отец Роуз, но не путешествовала сквозь эпохи. Беттина была хорошей женщиной. Она передала Роуз *то самое* послание, велела ей в полночь пойти в сад Хэмптон-Корта, чтобы встретиться там с отцом в окружении дамасских роз. Это был первый раз, когда они увиделись. А еще Беттину королева Мария украла у своей сестры Елизаветы ради собственной потехи. Было совершенно ужасно думать, что карликов при дворе считали предметами развлечения.

Роуз вспомнила о сцене в швейной мастерской, когда вошла королева, как ее ошеломил вид медальона на костлявой шее. Дамасская роза была нитью, которая связывала их всех: мать, бабушку и отца, который его сделал. Золото, неодушевленный предмет, но в то же время и нечто большее. Казалось, будто роза на медальоне увяла на шее королевы Марии. Глаза Роуз широко раскрылись в темноте каморки под карнизом, как будто на нее пролилось рассветное откровение. Пусть Мария Тюдор, королева Англии, носит этот медальон с розой, но он никогда не станет ее собственным! Точно так же, как никогда не принадлежал Елизавете. Она снова коснулась впадинки у шеи, где когда-то висел медальон, и ощутила, как растворяется во сне. Или это просто другая реальность?

* * *

Подобно кораблям, ходящим ночью, Роуз скользила в свой сон как раз в то время, когда просыпалась ее бабушка. Что-то потревожило Розалинду Эшли. И в ту ночь она сделала то, чего не делала давно: встала с кровати, не став звать из соседней комнаты свою сиделку Бетти. Затем, укутавшись не в одну, а в целых три шали и взяв трость, направилась к лестничному лифту. Внизу лестницы стояли ее ходули. Она чувствовала, что вот-вот зацветет еще одна дамасская роза. Ее нужно было переставить в оранжерею.

– Сейчас же! – пробормотала она.

Дамасские розы цвели приблизительно в Рождество, и за их перестановку в оранжерею отвечала Роуз. Но сейчас Роуз спала. Не хотелось будить ее... Потому что, внезапно подумала бабушка, возможно, та ушла «блуждать» – так Розалинда называла собственное хождение сквозь время в другой век. Она не вмешивалась в дела внучки. Это действительно больше ее не касалось. Ее обязанностью было заботиться о Роуз настолько хорошо, насколько позволял преклонный возраст. Но тем не менее она хотела присмотреть за дамасской розой, которая вот-вот должна расцвести. Роза была особенной – ее прививали в преддверии рождения матери Роуз. Подумать только, ее Розмари было бы уже почти сорок пять лет, будь она жива!

«Как летит время, – подумала Розалинда, – или запутывается». Когда она услышала, что Розмари умерла, а родная внучка переедет жить к ней, то привила еще одну розу, для новой Роуз. Это казалось правильным, давало надежду. Она, конечно, не говорила об этом самой Роуз... пока не говорила. Черенки для прививания часто не приживались. Розалинда надеялась, что этот маленький пересадыш, как она их называла, выживет, но пока не знала точно. Первые цветы появляются лишь через два-три года. Роуз к тому времени исполнится уже четырнадцать или пятнадцать! Розалинда задавалась вопросом, будет ли сама жива через три года.

Она миновала лестничный пролет и схватила ходули, ждавшие ее внизу. Когда Розалинда медленно подошла к оранжерее, ее словно обдало тропическим бризом. Она двинулась к пересадышу. В это время в оранжерее было так чудесно!

Розалинда посмотрела вверх сквозь стеклянный потолок и увидела созвездие Ориона через купол над головой. Кончик меча Ориона висел почти ровно над новой привитой розой для ее внучки Роуз.

– Не смей ее отрезать, звездный воин! – хихикнула она сама себе.

Сейчас пересадыш выглядел не лучшим образом, как простая веточка. Но в голове проскользнула старая примета: «Первый год они спят, на второй – ползут, а на третий – идут вскачь».

– Бабушка, что ты говоришь?

Розалинда подняла взгляд и увидела, как Роуз идет к столу с рассадой.

Глава 8. Сильный ветер

– Ах, милая, я просто одна из тех старых дурех, которые разговаривают сами с собой! Наверное, пора в психбольницу.

Они смотрели друг на друга через пересадыш.

– Ты не дуреха, бабушка.

– И я так полагаю, ты только что вернулась, – сказала Розалинда невзначай, начав рыхлить почву в горшке.

«Так она знает, где я была», – подумала Роуз. Ключевым словом было «вернулась». Не из спальни, а из пяти веков назад. Роуз пыталась понять, что ответить. Можно выдать: «Да, и черт бы побрал эту ведьму Марию! Но я добилась хороших успехов с ее коронационным платьем». Но вместо этого она посмотрела на маленький скрученный пересадыш, в который бабушка тыкала старой палочкой для еды. Саженец был привязан ко второй палочке. Они с бабушкой собирали их потому, что те идеально подходили для посадки молодых растений.

– Что это, бабушка?

– А, просто эксперимент по прививанию.

– Что за растение?

– Э-э-э... новый сорт... э-э-э... розы.

– Он приживется?

– Кто знает, приживется ли. Они такие хрупкие на этом этапе роста. Но, кстати говоря, ты вернулась как раз вовремя.

Вернулась. Что же, подумала Роуз, она и не отрицала, что «блуждала».

– Почему вовремя?

– Не могла бы ты отнести другую дамасскую розу в теплицу? Думаю, она готовится расцвести. И, конечно же, поставь ее на рассвете в миску. Оранжевые цветы открываются как раз в эту пору.

Роуз взяла приготовившуюся цвести розу и понесла ее в оранжерею – круглую комнату, обращенную на юг, с арочными окнами, сквозь которые светило солнце. Там же они завтракали и обедали.

– Который час? – спросила ее бабушка, когда Роуз вернулась. Девочка уже хотела было уточнить: «О каком именно времени ты говоришь? О стандартном времени двадцать первого века или о времени в Уайтхолле в шестнадцатом веке?» Но сунула руку в карман джинсов и нашла там айфон с наушниками:

– Девять тридцать.

Ее не было всего четыре минуты. Она снова задумалась, почему наушники попали вместе с ней в прошлое, а айфон – нет. Загадка.

– Девять тридцать. Я уже хочу есть. А ты?

– Ага, наверно.

– Не говори «ага», дорогая. Это так безграмотно!

Розалинда была строга в отношении грамматики, произношения и правильного употребления слов.

– Как думаешь, «Маленький Китай» еще открыт?

– Может быть. Посмотри на сайте. – Десятью секундами позже Роуз подняла глаза. – Да, еще открыт. Чего ты хочешь?

– Как обычно.

– Курицу генерала Цо? – спросила Роуз, а потом добавила: – И я буду, как обычно, фун юнь «Три соковища» с креветками.

– Добавь к этому лепешки с зеленым луком, дорогая.

– Все, я отправила заказ.
– Можешь сказать, чтобы не звонили в дверь? Их ведь можно попросить, правда? Они отправят тебе текстовое послание, когда приедут?
– Они мне эсэмэснут, – ответила Роуз.
Бабушка сморщилась:
– Звучит как-то неприлично. Я просто не хочу беспокоить Бетти. Это ее «шокирует», как ты выражаешься. Какое замечательное слово! Кто бы мог подумать, что слово «шок» превратится в глагол? Прекрасная идея.

* * *

В ожидании еды они помещали рассаду в два новых длинных ящика к сезону, который бабушка Роуз называла «почти, но не совсем весна». Ранним мартом этой «не совсем весны» семена раскладывают в холодные лотки, а к середине апреля они будут готовы к посадке на открытом воздухе. Роуз едва закончила со своим лотком, когда почувствовала вибрацию телефона.

– Приехали, – сказала она. – Схожу за едой.

Грузовик с доставкой из «Маленького Китая» подъехал к обочине. Роуз лишь приоткрыла дверь, потому что дул сильный холодный ветер. Ей стало жалко курьера, который, сгорбившись от сильного ветра, натянул капюшон своей толстовки. На нем даже не было куртки.

– О, большое спасибо, – сказала Роуз, принимая заказ.

– *De nada*, в смысле, не стоит.

– Марисоль?

– Эм... – В ее темных глазах кометой промелькнул страх.

Роуз поставила заказ на столик и затащила Марисоль в прихожую.

– Ты в одной толстовке. Ты же так замерзнешь!

– Все в порядке, не волнуйся.

– Нет, не в порядке.

– Слушай, мне пора. Водитель разозлится.

– Но... нельзя ведь идти вот так.

– Все нормально.

– Подожди секунду. – Роуз подбежала к шкафу с пальто. Водитель грузовика «Маленький Китай» сигналил, когда она вернулась.

– Вот, держи. – Она передала Марисоль новую куртку, которую ей совсем недавно купила бабушка.

– Нет, я не могу ее взять.

– Почему?

Водитель засигналил громче.

– Я не могу объяснить. Будет плохо.

– Почему?

– Люди задают слишком много вопросов.

Марисоль рванула обратно.

Роуз осталась с широко распахнутой дверью. Она пребывала в изумлении. Кто задавал слишком много вопросов? Марисоль злилась на Роуз, что та задавала слишком много вопросов, или на кого-то другого? Она взяла еду и принесла в оранжерею.

– А-а-ах! – воскликнула Розалинда. – Я уже отсюда чувствую запах курочки генерала Цо. Как вкусно!

Горячий воздух из теплицы объял Роуз. Внезапно она почувствовала сокрушительную вину и поставила еду на пустые лотки для рассады. Ветер с воем дул над стеклянными купо-

лами, где висели виноградные лозы, украшенные цветами. Отсюда мир казался ненастоящим. Тепло, ароматно, безопасно и вдали... но от чего? Когда Марисоль вошла в прихожую, дрожащая и испуганная, то словно пришла из другого мира. Как хрупкий лист, который занесло из какой-то далекой страны.

– Ты какая-то встревоженная, милая. Что-нибудь случилось?

– Нет... я... гм, просто волнуюсь о кошке, которая иногда ко мне приходит. Кажется, на улице сегодня холодно. Думаю, надо проверить переулок. Я оставляла ей блюдце с молоком.

– Иди, но захвати пальто. Проверь, если тебе так станет спокойнее.

– Спокойнее?

– Ты сама не своя, милая.

– Я... я просто беспокоюсь об одиноких существах, которые оказались на холоде в такую ночь.

Роуз вышла через заднюю дверь оранжереи, не позаботившись о пальто. Она стояла и дрожала, со слезами, бегущими по лицу. Обхватив себя за плечи, Роуз подошла к мусорным бакам, куда до этого поставила блюдце с молоком. Молоко замерзло. Но она не беспокоилась о Сентябрине. Хоть у той и было всего три лапы, эта кошка смогла бы выжить где угодно.

Роуз больше волновалась за Марисоль.

Глава 9. Рожденные притеснять

Роуз заканчивала представление доклада для урока мисс Лафферти.

– Самая известная колония прокаженных девятнадцатого века зарегистрирована на Гавайях. Но в XX веке в городе Карвилл, штат Луизиана, существовал популярный госпиталь с прогрессивным взглядом на болезнь. Там было обнаружено, что проказа, или болезнь Хансена, как ее сейчас называют, не передается по наследству и редко передается от человека к человеку. Заразиться можно лишь при длительном контакте с носителем. И даже в таком случае она не переходит через объятия, рукопожатия или от соседа в автобусе. На самом деле главными подозреваемыми в распространении болезни являются броненосцы, так как они могут переносить болезнетворные бактерии. Но в Индиане броненосцев нет. Большое спасибо.

Роуз села рядом со Сьюзан.

– Отличный доклад, – прошептала Сьюзан.

– Ты видела Марисоль сегодня утром? – прошептала Роуз в ответ.

– Нет, но это всего вторая перемена. Она часто опаздывает.

– А сейчас, – сказала мисс Лафферти, – думаю, настала очередь доклада Брианны.

Брианна кивнула и пошла к доске.

– Э-э-э, – ее глаза нервно забегали по классу, остановившись на Кэрри, – мы услышали доклад Майлза о церебральном параличе: что это заболевание не наследственное, но способное возникать при родовых травмах; что болезнь Хансена распространяется благодаря особым бактериям броненосцев и эти бактерии, возможно, уже давно присутствуют у других животных. Я не знаю, как назвать исследованное мною состояние, но готова обсудить, является ли оно врожденным, генетическим или же вызвано травмами при рождении.

Брианна сделала глубокий вдох и надолго замолчала. Теперь ее глаза устремились на Лизу. Мисс Лафферти несколько заволновалась.

– И в каком... э... о каком состоянии идет речь, Брианна? – спросила она.

– О злобе, – ответила та. – Является ли злоба болезнью? Может быть, мы рождены, чтобы притеснять других?

В классе все охнули, челюсть у мисс Лафферти, похоже, упала на пол.

– Подлость – это генетика? А может быть, дефект мозга?

В классе не слышалось ни звука. Просто полная, мертвая тишина.

– В исследовании, проведенном недавно в Университете Индианы в Блумингтоне, штат Индиана, было обнаружено, что нейронные пути в лобной доле головного мозга значительно ухудшились у пациентов, которые подверглись жестокому обращению. А в исследовании с крысами было обнаружено, что нейронные связи можно восстановить не хирургическим вмешательством, а с помощью обучения. Да, крыс можно обучить. – Теперь она перевела взгляд на Кэрри.

Когда Брианна закончила доклад, весь класс аплодировал, кроме Кэрри и Лизы.

– Ух ты! И как это объяснить? – спросила Сьюзан, когда первая смена закончилась и все вышли из класса. – Она что, раскаивается за семь лет издевательств? Хотя я была с ней в детском саду и дошкольном классе... значит, больше девяти лет.

– Правда? Да ты везунчик! – Роуз ненадолго замолчала. – Но, Сьюзан, я должна сказать тебе кое-что еще.

– Ты какая-то напряженная.

– Да, напряженная, лучше и не скажешь.

– Хочешь пойти в женский туалет?

- Нет, это же чашка Петри⁸ для сплетен – только говорили о распространении болезней!
- Куда пойдем?
- В столовую. Сейчас там пусто: до обеда первой смены еще полчаса.
- Они прошли в обеденный зал. За прилавком трудились повара, мужчина подметал пол.
- Так в чем дело?
- Марисоль до сих пор нет.
- Она часто пропускает уроки.
- Да, ты на ее месте тоже пропускала бы.
- Роуз, иногда ты бываешь такой загадочной. О чем ты говоришь?
- О вчерашнем вечере. Мы с бабушкой проголодались. А бабушка любит китайскую еду.

Так что мы заказали ужин в «Маленьком Китае».

- Да, они лучшие. Ну и что?
- Угадай, кто доставил еду почти в десять тридцать вечера!
- Кто?
- Марисоль.
- Она работает?
- Да, странно, правда? Кто в средней школе Линкольна работает, тем более поздно вечером? И знаешь что еще?

Сьюзан, которая сама по себе была очень бледной, казалось, стала еще бледнее. Ее глаза широко раскрылись за круглыми очками в черной оправе:

- Что?
- На ней не было пальто – только поношенная толстовка.

Роуз вдруг схватила Сьюзан за руку:

– Сьюзан, это было так грустно! Я предложила ей куртку, а она отказалась. Наотрез отказалась. Как будто боялась к ней прикоснуться. Сказала, что не может ее взять.

– Почему?

– Не знаю. Сказала, что не может объяснить и что выйдет нехорошо. – Роуз замолчала, как будто что-то вспоминала. – А, еще она говорила, что люди задают слишком много вопросов. И я не поняла, кого она имела в виду – меня или других.

– Это все так загадочно, – сказала Сьюзан. – Ты не помнишь, когда она сюда приехала?

– Если честно, нет. Кажется, где-то между Хеллоуином и Днем благодарения.

– Что за родители разрешают детям доставлять китайскую еду поздно вечером и без пальто?

– Может быть, у нее нет родителей. У меня ведь, в конце концов, их нет.

– У тебя есть бабушка, и она живет в хорошем, очень хорошем доме.

– Она заботится обо мне, – мягко сказала Роуз. *А вот о Марисоль, скорее всего, никто не заботится.*

Роуз вспомнила сокрушительное одиночество, которое ощутила в каморке под карнизом в Уайтхоллском дворце. Как отчаянно она скучала по отцу и Фрэнни, как чувствовала себя оторванной от всего родного; в изоляции ей казалось, что все о ней забыли. Но, конечно, она не могла рассказать это Сьюзан. Да и Марисоль не путешественница во времени, в этом она была уверена. Сколько их может быть в Индианаполисе? Но Роуз чувствовала: Марисоль приехала издалека. И была уверена, что приехала она одна.

Внезапно затрещало школьное радио:

– Вниманию учеников и учителей, метель, которую предсказывал прогноз, усиливается. К середине дня ожидается нулевая видимость, поэтому уроки закончатся раньше. – По всему зданию раздались громкие радостные крики. – Автобусы придут в течение пятнадцати

⁸ Чашка Петри – прозрачный лабораторный сосуд в форме невысокого плоского цилиндра с крышкой. – (Прим. ред.).

минут. Те родители, до которых удалось дозвониться, осведомлены, было сделано радиообъявление. Если у кого-то возникнут проблемы с ранним возвращением домой, пожалуйста, поговорите с мистером Сэммом в кабинете директора.

Все расселись по автобусам. Было так дико наблюдать, как окрестности заслоняет стена из снега... Деревья гнулись, а пожарные гидранты быстро исчезали под острыми снежными шапками, напомнив Роуз эльфов. Водитель автобуса объявил, что они поедут по другому маршруту, так как некоторые улицы закрыты до приезда снегоуборочных машин.

Роуз выходила из автобуса последней из своих друзей. Вот уж как будто специально: тремя оставшимися пассажирами были Злые Королевы. Брианна сидела в изгнании, на самом дальнем месте от сестер по преступлению. Кэрри с Лизой пользовались этим на полную катушку: шептали что-то друг другу на ушко и бросали на нее испепеляющие взгляды. Роуз проигнорировала всех и устала в окно. Улицы были практически пусты, пара машин и свободные заснеженные тротуары. Она не знала, сколько времени еще ехать до бабушкиного дома, но вдруг заметила человека, который с трудом пробирался сквозь снег. Он сгорбился, будто не только боролся с ветром, но и нес на себе тяжкое бремя.

Роуз овладел какой-то инстинкт. Она была абсолютно уверена, что это Марисоль.

– Стойте! – закричала она водителю.

– Что такое? – откликнулся он, глядя в зеркало заднего вида.

– Мне нужно сойти.

На улице перед магазином стоял автоматический манекен-снеговик, который махал рукой несуществующим прохожим под игравшую из него музыку. «Удачного вам, уютного...»⁹
«Ой, лучше тебе замолчать», – подумала Роуз.

– Мне нужно выйти! – закричала она водителю.

– Но это не твоя остановка – ты живешь на Сорок шестой и Меридиан. А это Сорок шестая и Иллинойс. Я не могу тебя здесь выпустить.

– Можете. – Роуз встала и уже направлялась к двери.

– Юная леди, сядьте сейчас же.

Если еще хоть один мужчина назовет ее юной леди, она вмажет ему в челюсть.

– Вы должны выпустить меня! У подружки неприятности. Офис моего дяди недалеко отсюда. Он врач, – солгала она. – Я должна забрать ее. Она может умереть, замерзнуть до смерти. Если вы меня не выпустите, обвинят вас. Откройте сейчас же!

Внезапно дверь автобуса открылась. Роуз была так же ошеломлена, как и сам водитель – должно быть, кто-то потянул за аварийную ручку. Но она не стала ждать ни секунды и выскочила. На самом деле это был живописный прыжок в сугроб. Девочка побежала со всех ног по плотному снегу и вздохнула с облегчением, когда услышала выхлоп автобуса, поехавшего дальше.

Фигура Марисоль виднелась на полквартала впереди. Она шла в гору, а под снегом была наледь. Дважды Роуз упала, каждый раз соскальзывая назад. Но Марисоль тоже падала.

⁹ Строчка из песни Have Yourself a Merry Little Christmas, впервые исполненной Джуди Гарленд. – (Прим. пер.).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.